

Я обращаюсь к вам, наследники Победы!

— Родился в 1927 году в деревне Касимовке Чибисовского района Орловской области. Когда началась война, мне было 14 лет. Поэтому до призыва в Красную армию я, как и мои сверстники, работал в колхозе вместе с успешными на фронт мужчинами, затем на оборонном предприятии города Ельца, копал противотанковые рвы. В годы войны вся страна работала на победу, у

нас был один лозунг на всех: «Все для фронта, все для победы».

22 ноября 1944 года меня призвали в Красную армию. Я прибыл в 4-й учебно-стрелковый полк у города Тамбова, где прошел курс молодого бойца и был зачислен в разведку. В начале 1945 года оказался в 8-й воздушно-десантной бригаде в город Быхов на Днестре. Затем — в 4-м воздушно-лавиальном полку в городе Долгопрудном.

Впервые со смертью ребят, с которыми вместе служили, я

столкнулся в Быхове. Пока мы выполняли прыжки с парашютом, бандеровцы напали на наших десантников, охранявших мост, и убили их. Войну я закончил старшиной воздухоплавательного отряда.

Читателям газеты «Союзное вече» хочу пожелать: рассказывайте внукам и правнукам историю своей страны, о том, как мы воевали и победили.

Ваш Василий Никифорович Атаманов, общий стаж ра-

боты и службы в ВС СССР составляет 75 лет

Чума на головы врага

Советский штурмовик Ил-2, прозванный немцами «Черной смертью» (в точном переводе — «чумой»), прославился не только мощью своего оружия, но и фантастической живучестью в бою.

Однажды четверка немецких истребителей Me-109 встретила в воздухе возвращавшийся с задания одинокий Ил-2. Крылатые стрелники хитро набросились на него, предвкушая легкую добычу. Вот один истребитель заходит в хвост Ил-2 и открывает огонь из пушек — бесполезно. Советский самолет невозмутимо летит дальше. После того как первый мессер расстрелял весь боезапас, его место занял второй, затем третий, четвертый. А штурмовик все летел и летел, не чувствительный к попаданиям, будто заколдованный. «Почему он не падает, черт возьми!» — завопил по радиации не верящий своим глазам командир немецкого звена. И услышал ответ одного из своих пилотов: «Ежа в задницу не укушишь, господин лейтенант!».

Главная изюминка Ил-2 — броня. Бронекоробка защищала всю носовую часть самолета, вместе с кабиной пилота. Причем броня Ила была не просто латами — скелетом. Она работала, несла нагрузку, играла активную роль. Именно к бронекоробке крепились крыло, двигатель, оборудование.

Сама броня была тоже с секретом. Легкая и в то же время сверхпрочная, она надежно защищала не только от пулеметных пуль, но и от снарядов ави-

ационных и зенитных пушек легкого калибра, которые обычно прикрывали поле боя. От удара о бронеперехватчик штурмовика закаленный сердечник снаряда просто дробился на части.

Вооружен Ил-2 был до зубов. Бомбы, реактивные снаряды, пушки. Отлично защищенный от огня с земли и от нападения сверху и сзади — атаки истребителей отбивал из тяжелого пулемета УБТ сидевший спиной к пилоту стрелок — штурмовик стал незаменимым самолетом авиационной поддержки войск. Грозою вражеских танков. Специально к Курской битве советские оружейники подготовили для немецких танкостроителей бронированный сюрприз — ПТАБы, противотанковые касетные бомбы кумулятивного действия. Зачастую их просто насыпали горстями в бомбоотсеки. Вес каждой такой бомбы — всего полтора килограмма. Маленькая, да удаленка.

Сброшенная с самолета, она пробивала броню толщиной до 60 мм. Для борьбы с немецкими танками этого хватало с избытком. Даже у тяжелых «Тигров» и «Пантеров» броня крыши башни не превышала 30 мм, и для многих из них атака Илов, вооруженных ПТАБами, становилась роковой.

Во время операции «Багратион» в Беларуси, где танков у немцев было немного, ПТАБам все равно нашлось применение. С их помощью пилоты штурмовиков в буквальном смысле слова выкашивали отступающую немецкую пехоту. Один-два прохода эскадрильи Ил-2 — и деморализованные фрицы, кто остался в живых, поднимают руки, сдаются.

Всего за время войны советской промышленностью было выпущено более 30 тысяч летающих танков Ил-2. Ни один самолет ни до ни после не выпускался таким огромным тиражом. Это — абсолютный мировой рекорд. Правда, и потери были высокими. Достаточно сказать, что к маю 1945 года в строю советских ВВС оставалось всего три тысячи Илов.

Бронейбойная поэзия и проза

Западные телеканалы очень любят время от времени составлять топ-рейтинги лучшей боевой техники всех времен и народов. Среди танков иностранные эксперты даже сегодня, спустя семьдесят лет после Второй мировой войны, чаще всего ставят на первую строчку легендарный Т-34.

За кормой стремительной «тридцатьчетверки» в этом соревновании остается весь бронейбойный хай-тек нашего времени — «леопарды», «абрамсы», «леклерки», «челенджеры». Такова, повторим, оценка западных экспертов. Про родное Отечество и говорить нечего, но есть нюансы...

На самых первых серийных «тридцатьчетверках», выпущенных в 1939-1940 годах, броня шлифовалась и полировалась практически до зеркального блеска, и только затем на нее накладывался слой защитной краски. Примерно до такого же радно-девственного блеска в советское время была отшлифована и биография самого Т-34. Иные мемуары, увидевшие свет в семидесятых годах прошлого века, когда вовсю свирепствовала цензура, выжигая каленным железом малейшую идеологическую ссрь, читаются сегодня, как былинные сказания. Могучий и неуязвимый Т-34, словно Илья Муромец, колоссатит направо-налево немецкие «тигры» и «пантеры» — башни по полю так и летают.

В советский период образ Т-34 оброс массой легенд и напыщенных мифов, далеких от фронтовой реальности. И только рассекреченные в последние годы материалы, а также честные, без цензурной прополки воспоминания ветеранов-танкистов позволили объективно, без пафосной шелухи взглянуть на историю лучшего танка Второй мировой.

Начать хотя бы с того, что Т-34 был во многих отношениях машиной революционной, с целым набором неизбежных в таких случаях «детских болезней», доставлявших танкистам немало хлопот. Например, ходовая часть и двигатель зачастую не выдерживали многокилометровых маршей и выходили из строя. Вот откуда взялись печально известные фотографии лета 1941 года с целыми веренищами бро-

шенных на обочинах дорог «тридцатьчетверок».

Еще один изъян касался оптики, на Т-34 первых лет войны откровенно допотопной. Вместо стеклянных зеркал — пластины из полированной стали. Качество изображения и так никуда не шло, а во время дождя или тумана стальные пластины быстро запотевали и танк становился практически слепым.

Но самой большой проблемой долгое время оставалась трансмиссия, прежде всего крайне неудачная конструкция коробки передач. Чтобы врубить рычаг переключения скоростей, механику-водителю приходилось помогать себе коленкой. В бою, когда обстановка менялась каждую секунду, о быстром переключении рычага нечего было и думать. Танкисты поступали просто: перед атакой «втыкали» вторую передачу, снимали с двигателя ограничитель оборотов, а скорость изменяли простым сбросом газа. Такая солдатская хитрость уменьшала и без того небольшой ресурс двигателя, но зато редкий танк доживал до выработки его мотором даже половины гарантийного ресурса.

В 1942 году добавились еще одна беда — из башен танков, шедших на передовую, исчезли вентиляторы. Эвакуированные в тыл предприятия еще не успели наладить их выпуск. И машины поступали в действующие части с пустыми вентиляторными колпаками на башне. И в бою танкисты нередко теряли сознание, надыхавшись пороховыми газами.

Тем не менее даже в таких поистине адских условиях наши экипажи сражались со стальными армадами вермахта, хотя знали заранее, что шансов уцелеть у них немного. Согласно статистике, в первые два года войны «тридцатьчетверка» в среднем ус-

пешивала в среднем одну машину на километр фронта. А в сентябре 1943 года в Кремле состоялось совещание, на котором уже Сталин (видимо, Жуков передал ему письмо Ротмистрова) потребовал от конструкторов в кратчайший срок провести работы по модернизации Т-34. И уже через четыре (!!!) месяца, 23 января 1944 года, на вооружение был принят «продвинутой» вариант машины. Прежним осталось только название. По сути, это был совершенно новый танк. С усовершенствованным двигателем и трансмиссией. С новой, более просторной башней. А главное — с новой 85-мм пушкой, с километра прошивавшей лоб «тигра». И теперь наши танкисты уже не боялись вступать в открытые поединки с немецким «зверем», от которого еще недавно они «бегали, как зайцы».

В армейских релингах новый вариант машины получил название Т-34-85. Именно он и стал легендарным «Танком Победы», штурмовавшим Берлин, а после Победы вознесенным на пьедестал в половине стран Европы. Непревзойденным шедевром конструкторской мысли, на десятилетия определившим развитие мирового танкостроения.

«Т-34 — это наше все, как Пушкин в поэзии». Сказано в общем-то правильно. Поэтично...

пелава сходить в три-четыре атаки. Ее либо подбивали — и она отправлялась в ремонт, либо сторала на поле боя вместе с экипажем. «Коротка и неказиста жизнь советского танкиста», — с горькой иронией шутили бойцы. Кстати, в 1942 году американцы, которые в спешном порядке разворачивали собствен-

ную танковую промышленность, попросили прислать им на ознакомление образцы советских машин, прежде всего Т-34. Американцы оценивали все, в том числе и комфорт для экипажа. После чего сделали вывод: воевать на таком танке могут только русские.

Поворотным моментом в судьбе Т-34 стала Курская битва. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. «Против «тигров» и «пантер» шансов у нас, считай, не было, — вспоминал ветеран 3-й гвардейской танковой армии Михаил Крюков. — Немецкие танкисты с их отличной оптикой промахи-

вались очень редко. Вторым снарядом — никогда. Немцы знали о своем превосходстве и воевали очень уверенно, даже нагло. А мы, как зайцы, бегали от «тигров», искали возможность, как бы подобраться поближе да влить болванку ему в борт. Тяжело было!».

Битву под Курском Красная

Простой и надежный

Если Т-34 — танк Победы, штурмовик Ил-2 — самолет Победы, то ППШ — автомат Победы.

В ходе Второй мировой войны автоматическое оружие, в котором используется pistolетный патрон, нашло широкое применение. Первые автоматы, точнее pistolеты-пулеметы, появились еще в 20-х годах и быстро завоевали популярность благодаря эффективности и удобству. Правда, в СССР их не жаловали, считая «бандитским оружием», недостойным Красной армии. Однако опыт Зимней войны с Финляндией, чья войска активно использовала автомат Suomi, изменил отношение к pistolетам-пулеметам, и уже в 1940-м на вооружение был принят ППД — автоматический ствол конструкции Дегтярева. Младенец получился без недостатков, сложным в изготовлении, что тормозило се-

рийный выпуск. Эти минусы устранил ученик Дегтярева — Георгий Шпагин в своем pistolете-пулемете ППШ-41, ставшим одним из символов мощи русского оружия во Второй мировой войне. ППШ отличали простота и надежность — в боевых условиях качества для оружия первостепенные. Автомат с массивным деревянным прикладом, весивший более пяти килограммов, возможно, был тяжеловат. Немецкий MP-40, на-

половину из пластмассовых деталей, был легче. Но в бою он по всем статьям проигрывал ППШ. Убойная дальность «немца» не превышала 150 метров, тогда как у ППШ этот показатель приближался к километру. Нередки были случаи, когда немецкие солдаты бросали MP-40 и воевали с трофейным ППШ. Более того, в вермахте официально стоял на вооружении ППШ, переделанный под 9-мм патрон.

Припарка «Зверобоем»

В январе 1943 года на вооружение Красной армии были приняты тяжелые самоходные артиллерийские установки — САУ.

Появлению первой советской самоходки предавалось столь большое значение, что на приемные испытания приехало высшее руководство страны. Самоходка — это тяжелая гаубица, смонтированная на шасси танка. Сокрушительные возможности новых машин произвели большое впечатление на командование. И уже в конце января 1943 года первый дивизион самоходок СУ-122, смонтированных на базе танка Т-34, отправился на Ленинградский фронт, где состоялась их боевое крещение.

14 февраля под Мгой немецкое командование впервые бросило в бой свою новинку — тяжелые танки «Тигры». Бронированные «зверюги» весом шестьдесят тонн, чью лобовую броню не пробивала ни одна противотанковая пушка, легко прошли первую линию нашей обороны и уничтожили несколько артиллерийских батарей. Но неожиданно попали под обстрел затаившихся в засаде на опушке леса СУ-122. Первый же залп советских самоходок оказался для «Тигров» фатальным — две машины тут же вспыхнули, еще два «Тигра» с перебитыми гусеницами застыли на месте, превратившись в мишени.

Во время войны оружие со-

вершенствуется быстро. И вскоре в бронетанковых частях Красной армии появились еще более грозные артсистемы — тяжелые ИСУ-152 на базе тяжелого танка KB. Буква «И» означала «истребительные». Для немецких танкистов новая «сушка» стала настоящим кошмаром. Встреча с ней означала верную смерть для любого фашистского танка. Дошло до того, что немецкое командование вынуждено было издать специальную директиву, запрещающую своим танкистам вступать в открытый бой с ИСУ-152. С дистанции в полтора километра 50-килограммовый снаряд самоходки даже не пробивал — проламывал броню «Тигров» и «Пантер», срывая башню с погонами.

Вот каким запомнился один из таких поединков бывшему командиру ИСУ-152 Николаю Шишкину. «Дело было в Белоруссии в августе 44-го, — вспоминал ветеран. — Танковая бригада, которой мы были приданы, двигалась через лес. Три Т-34 головного дозора, которые первыми вышли из леса на поляну и поднялись на пригорок,

Как МУ превратилась в «катюшу»

История такова. В конце ноября 1939 года нарком обороны Клименту Ворошилову показали на полигоне опытное изделие под индексом МУ. Что означало — механизированная установка. Это была самая первая система залпового огня. Установка состояла из восьми направляющих, на которых сверху и снизу подвешивались шестнадцать реактивных снарядов. Залп производился за 8-10 секунд.

Огневая мощь нового оружия произвела большое впечатление на Ворошилова. Он дал «добро» на продолжение работ по реактивной тематике. И в 1941 году появилась БМ-13 — боевая машина с калибром снарядов 13 сантиметров. Именно этой установке суждено будет войти в историю Великой Отечественной войны под легендарным именем Катюша. Почему Катюша? Однозначного ответа нет до сих пор. Только версии. По одной из них, название произошло от заглавной буквы завода, производившего самые первые установки, — Воронежский завод им. Коминтерна. По другой — от одноименной песни

Матвея Блантера и Михаила Исаковского.

Убойная мощь «катюш» была чудовищной. Залп одного дивизиона из двенадцати установок по силе мог сравниться с залпом двенадцати тяжелых гаубичных полков. Осколками сотен мин, разорвавшихся до 800 метров, уничтожались все вокруг. В результате территория площадью в 100 тек-

таров превращалась в выжженное поле, где не могло уцелеть ничто живое.

Один из ветеранов войны, полковник в отставке, командовавший на фронте дивизионом «катюш» рассказывал о таком боевом эпизоде. Дело было под Корсунь-Шевченковским, где в котел окружения угодила 60-тысячная немецкая группировка.

Командовал ею генерал Штеммерман. Ультиматум советского командования он отверг и отдал приказ на прорыв. По заснеженной степи серой шевелящейся тучей на позиции красноармейцев шли тысячи и тысячи немецких солдат. И тогда полковник выкатил свои «катюши» — две двенадцать установок — на прямую наводку и дал залп. Зрелище было

кошмарное. Месиво. Каждый реактивный снаряд, словно в густом лесу, проделывал просеку в плотном строю немецких пехотинцев. Разлетались в разные стороны оторванные головы, руки, ноги. «Кто не видел как «катюша» бьет прямой наводкой, тот не знает, что это за оружие», — сделал вывод полковник.

Сам генерал Штеммерман оказался в эпицентре огневого взрыва. Фотография его обезображенного трупа появилась тогда во всех советских центральных газетах.

А самый первый залп по фашистам 14 июля 1941 года сделала батарея «катюш» капитана Ивана Флерова по железнодорожной станции Орша, забитой войсками и техникой противника. Начальник генерального штаба вермахта Франц Гальдер в те дни записал в своем дневнике: «Русские применили неизвестное до этого времени оружие. Огненный шквал снарядов сжег железнодорожную станцию Орша, уничтожил все находившиеся там эшелоны с личным составом и боевой техникой. Плавились металл, горела земля».

Земля под ногами фашистов будет гореть все четыре года войны, до победного мая 1945-го.